

На правах рукописи

Вахитова Айсылу Галинуровна

**Башкирско-монгольские языковые связи
(на материале лексики)**

Специальность 10.02.02 – Языки народов
Российской Федерации
(башкирский язык)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Уфа – 2007

Работа выполнена на кафедре башкирского и общего языкознания
ГОУ ВПО "Башкирский государственный университет"

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Ишбердин Эрнст Файзрахманович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор, член-корреспондент АН РБ
Галяутдинов Ишмухамет Гильмутдинович
кандидат филологических наук,
доцент Бухарова Гульнур Харуновна

Ведущая организация: Институт истории, языка и литературы
УНЦ РАН

Защита состоится 16 марта 2007 г. в 10 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.013.06 по защите диссертаций на
соискание ученой степени доктора филологических наук при ГОУ ВПО
"Башкирский государственный университет" по адресу: 450074, г. Уфа,
ул. Фрунзе, 32.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ
ВПО "Башкирский государственный университет".

Автореферат разослан 14 февраля 2007 г

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук,
профессор

А.А.Федоров

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Процесс развития и формирования лексики происходит в языке за все периоды его функционирования. При этом ведущую роль играет своя исконная лексика, которая пополняется путем развития внутренних языковых ресурсов и путем заимствования слов из других языков. Так называемая «исконная лексика» башкирского языка оказывается неоднородной и делится на две группы: 1) собственно тюркский или общетюркский пласт 2) лексика, общая для тюркских и монгольских языков.

Начиная с XVIII века перед алтаистами стоит вопрос о характере родства алтайских языков, в частности, тюркских и монгольских. До сих пор нет единого мнения относительно происхождения родства алтайских языков. Одни ученые (Б.Я.Владимирцов, Г.И.Рамstedт, Н.А.Баскаков, Дж.Г.Киекбаев) на основании общих черт в фонетике, грамматике и лексике тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков приходят к выводу об их генетическом родстве, т.е. у всех этих языков в древнейший период был один язык-источник. Другие (А.М.Щербак, Д.Дечи) категорически отвергают генетический характер родства, а общие моменты в фонетике и грамматике (сингармонизм, суффиксальное словообразование, агглютинация) объясняют языковой типологией, а определенные лексические совпадения – их длительным многовековым контактом между собой. Третьи же (Л.Лигети, Г.Д.Санжеев, В.Л.Котвич) признают родство алтайских языков гипотетическим, а их общность типологической.

Для выяснения отдельных проблем алтаистики большое значение имеют и исследования, посвященные изучению отдельных языков, входящих в эту общность. По поводу вопроса лексических взаимосвязей башкирского и монгольского языков были написаны ряд статей и исследований башкирских языковедов: Дж.Г.Киекбаева, Э.Ф.Ишбердина, Н.Х.Максютовой, В.Ш.Псянчина и др. Но в этих исследованиях объектом описания была вся совпадающая лексика двух языков. Известно, что наряду с количеством общих совпадающих лексем, определенное значение имеет и их «качество».

Возможность использования слова в роли своеобразного орудия познания мира и средства выражения этого познания практически лежит в основе выделения в словарном запасе лексических серий, или тематических групп, поскольку в такие ряды включаются слова, служащие для обозначения отдельных разновидностей каких-либо предметов. В связи с этим в области сравнительно-исторического исследования следует признать полезным обзор лексики по устойчивым лексическим разрядам, таким как обозначения простых и десятичных

числительных, местоимения, названия частей тела человека и животных, частей растений, названия основных цветов, явлений природы (обозначения времён года, суток, осадков, основных объектов рельефа) и т.д.

Реконструкция лексики алтайских языков по лексико-семантическим группам и сравнительно-историческое изучение лексических единиц в соответствии с их грамматическими, семантическими и структурными признаками во многом способствует пониманию общности этих языков. Всем этим и определяется актуальность выбранной темы.

Цель и задачи исследования. Основной целью настоящей диссертационной работы является сравнительно-историческое изучение устойчивых лексических групп и выяснение исконного или заимствованного фонда в соответствующих разрядах на основе анализа реальных фактов как тюркских, так и монгольских языков, исходя из общности фонетических законов их развития, общности грамматических элементов и лексем, характеризующих строй и происхождение этих языков.

В соответствии с общей поставленной целью в диссертации решаются следующие конкретные задачи:

- 1) исследовать башкирские и монгольские лексические параллели в соответствующих устойчивых разрядах лексики;
- 2) установить и применить в исследовании критерии выделения монголизмов в лексике башкирского языка, и наоборот, тюркизмов в монгольском языке: фонетический, морфологический, семантический, внутренней реконструкции и этимологии слова;
- 3) определить степень распространения общих лексических единиц в башкирских говорах, в современных тюркских языках, а также в древних письменных памятниках.

Методологической и теоретической основой исследования явились достижения современной лингвистики, труды ученых, посвященные проблемам лексикологии и грамматики. В ходе исследования были изучены труды Г.И.Рамстеда, В.Л.Котвича, Л.Лигети, Л.З.Будагова, Б.Х.Годаевой, В.И.Циниус, О.П.Суника, Дж.Г.Кискаева, В.М.Иллич-Свитыча, Н.А.Баскакова, Э.В.Свортыяна, Х.И.Суюнчева, Э.Ф.Ишбердина и т.д.

В диссертации использован комплекс методов и приемов анализа фактического материала в соответствии с поставленной целью и задачами работы: описательный, сравнительно-исторический, сопоставительно-типологический.

Научная новизна. В данной диссертации впервые в башкирском языкознании общие лексические единицы башкирского и монгольского языков подвергаются сравнительному системному исследованию на материале устойчивых лексических разрядов. Установлены критерии выделения поздних монголизмов в башкирской лексике, выявлены исконные и заимствованные пласты лексики и характерные им маркирующие признаки.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что сравнительное изучение общих лексических единиц является определенным вкладом в историческую лексикологию не только башкирского и монгольского языков, но и в систему исследования лексики алтайских языков в целом.

Результаты диссертационной работы могут быть использованы для последующего развернутого сравнительного исследования общности алтайских языков, в частности, тюркских и монгольских языков.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты и материалы исследования могут быть использованы при составлении учебников и учебных пособий по лексикологии, при разработке лекционных курсов, семинаров по изучаемой проблеме; фактический материал может быть полезным на практических занятиях по сравнительному изучению алтайских языков. В лексикографии материалы исследования могут быть использованы при составлении двуязычных, параллельных и этимологических словарей.

Материал исследования включает более 100 сравниваемых лексических единиц и множество их производных (наименования явлений природы, частей тела человека и животных, частей растений, обозначения чисел и местоимений), полученных методом сплошной выборки из двуязычных, параллельных и толковых словарей.

На защиту выносятся следующие положения:

- Тюрко-монгольские лексические единицы распадаются минимум на три дифференцированные группы: 1) поздние монгольские лексические заимствования в тюркских языках; 2) поздние тюркские лексические заимствования в монгольских языках; 3) тюрко-монгольские элементы, которые с одной стороны, являются общетюркскими, с другой – представлены в монгольских языках и являются в то же время общемонгольскими.

- Словарный состав башкирского языка представляет собой собственно тюркский пласт и лексику, общую для тюркских и монгольских языков.

- Анализ общих лексических единиц позволяет выделить несколько моментов, способствующих выявлению заимствований: 1) основной критерий; 2) фонетический критерий; 3) морфологический критерий; 4) семантический критерий; 5) этимологический критерий и внутренняя реконструкция.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры башкирского и общего языкознания Башкирского государственного университета, отдельные положения в виде докладов и сообщений обсуждались на региональных научно-практических конференциях: «Актуальные проблемы башкирской, русской и тюркской филологии» (Уфа, 2004); «Актуальные проблемы башкирского, тюркского и сопоставительного языкознания» (Уфа, 2005); «Актуальные проблемы изучения и преподавания башкирского языка и литературы» (Стерлитамак, 2004); «Башкирская филология: достижения, актуальные проблемы» (Уфа, 2005); «Язык и литература в поликультурном пространстве» (Бирск, 2006). Материал исследования опубликован в научных журналах «Ядкяр», «Вестник Башкирского университета».

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, 4 глав, заключения, библиографии, приложения (словарь башкирско-монгольских лексических параллелей, список принятых сокращений и условных обозначений).

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, определяются цели и задачи исследования в соответствии со степенью научной разработанности данной проблемы. Обсуждаются наиболее важные теоретические положения, констатируется научная новизна работы.

В **первой главе «Проблема изучения алтайских языков»** дается обзор лингвистической литературы по исследуемой проблеме в отечественном и зарубежном языкознании, алтаистике в целом и башкирском языкознании в частности, приводится история изучения алтайских языков и различные взгляды ученых по поводу проблемы изучения этих языков.

Урало-алтайская теория, которая считает генетически родственными не только алтайские, но и уральские языки, появилась в XVIII веке: Ф.И.Страленберг дал первую классификацию уральских (угро-финских, самодийских) и алтайских (тюркских, монгольских, тунгусских языков). Несмотря на это, в настоящее время в большей степени является доказанным родство языков лишь внутри каждой группы.

Обобщая и синтезируя существующие в алтаистике классификации основных групп, Н.А.Баскаков представил их развитие в следующей последовательности.

Алтайская семья языков

I. Тюрко-монгольская ветвь	II. Тунгусо-маньчжурская ветвь
А. Тюркские языки:	А. Тунгусские языки:
1) западнохуннские,	1) эвенкийские,
2) восточнохуннские,	2) нанайско-гольдские,
Б. Монгольские языки:	Б. Маньчжурские языки:
1) ойрато-калмыцкие	1) маньчжурские,
2) халха-монгольские	2) чжурчженский.
3) бурятские	III. Японо-корейская ветвь
4) монгольские.	1) корейский,
	2) японский. ¹

Необходимо отметить, что до сих пор нет единого мнения относительно родства этих языков, хотя проблеме изучения общности алтайских языков как в отечественном, так и в зарубежном языкознании посвящено немало исследований.

Как показал анализ имеющегося материала, актуальность проблемы изучения общности алтайских языков представлена наличием противоположных концепций. В этом отношении известно 2 подхода: 1) сравнительно-исторический, исходящий из генетического родства данной семьи языков; 2) историко-типологический, не признающий родство этих языков.

Одним из наиболее ярких сторонников генетического родства алтайских языков является Г.И.Рамstedт. Обширное исследование Г.И.Рамstedта «Введение в алтайское языкознание» представляет собой по существу законченную сравнительно-историческую фонетику и грамматику алтайских языков, в котором не только устанавливаются основные процессы фонетического и грамматического развития алтайских языков, но и реконструируется их древнейшая фонетическая и грамматическая структура².

Большого внимания достойны работы крупного монголиста Б.Я.Владимирцова – он дает характеристику фонетического строя, исследует типы различных чередований звуков в монгольских языках, разрабатывает методику определения фонемного состава морфем,

¹ Баскаков Н.А. Алтайская семья языков и ее изучение. – М.: Наука, 1981. – С.15.

² Рамstedт Г.И. Введение в алтайское языкознание. – М.: изд-во иностр.лит-ры, 1957.

раскрывает специфику морфонологических процессов, сопровождающих словоизменение и словообразование в конкретных монгольских языках.

В области грамматики алтайских языков необходимо учитывать и огромный вклад профессора Башкирского государственного университета Дж.Г.Киекбаева, разработавшего программу и читавшего специальный курс лекций по урало-алтайскому языкознанию. В трудах Дж.Г.Киекбаева основой исторической грамматики урало-алтайских языков является теория определенности и неопределенности в языке, которая построена на логическом фундаменте. Понятие определенности является морфологической категорией и имеет свои формальные показатели или аффиксы, называемые показателями определенности.

Впервые в башкирском языкознании Дж.Г.Киекбаевым были включены в разряд исконно башкирской лексики слова, общие для башкирского, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, исследованы семантико-структурные изменения в словарном составе башкирского языка.³

Последователем сторонников теории генетического родства алтайских языков также можно считать Х.И.Суюнчева. В результате своего исследования над карачаево-балкарскими и монгольскими лексическими параллелями Х.И.Суюнчев приводит более 800 лексических параллелей, которые строго распределены по лексико-семантическим группам: названия частей тела человека и животных, продуктов питания, болезней, растений, местностей и населенных пунктов, металлов и т.д. Хотя приведенные лексические параллели недостаточно изучены им внутри каждой группы в сравнении с родственными языками, его работа, на наш взгляд, имеет большое значение в изучении личных местоимений, где дается их четкая дифференциация на праформ⁴.

Второе направление в алтаистике, связанное с изучением типологических сходств алтайских языков, представлено концепциями Л.Лигети, В.Л.Котвича, Дж.Клосона, Г.Д.Санжеева и др.

Гипотеза В.Л.Котвича уделяет внимание структуре знаменательных слов и аффиксов в алтайских языках. Ученый признает, что в большинстве случаев алтайские корни были односложными, однако путем нормальной эволюции они превращались в двухсложные и даже трехсложные. По мнению автора, слово в алтайских языках представляет

³ Киекбас Дж.Г. Введение в урало-алтайское языкознание. – Уфа: башк. книжное изд-во, 1972; Киекбас Дж.Г. Основы исторической грамматики урало-алтайских языков. – Уфа: Китап, 1996; Киекбас Дж.Г. Избранные статьи. – Уфа: РИО БашГУ, 2002.

⁴ Суюнчев Х.И. Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели. – Черкесск: Карачаево-балкарское книжное изд-во, 1977.

собой не простое сочетание корня и суффикса, а сложное сочетание морфем со строго закрепленными за ними лексическими и грамматическими корнями⁵.

В целом суть концепции Котвича заключается в том, что благодаря постоянному передвижению различных по языку этнических групп и часто возникающих языковых контактов можно с уверенностью говорить о тюркских заимствованиях в монгольских и маньчжурских языках, равно как и значительном влиянии этих языков на тюркские.

А.М.Щербак свою отрицательную позицию обосновывает тесными контактами тюрков и монголов в IV-VII вв. в Китае (возвышение тюркского племени табгач, основавшего династию Северная Вэй, 386-535 гг.), в VIII-XII вв. в Прибайкалье (частичная ассимиляция тюрками северных монгольских племен), в XIII-XIV вв. в Туркестане (уйгуро-монгольские культурные связи в Восточном Туркестане), общи тюркские и тунгусо-маньчжурские элементы – контактами тюрков и тунгусов в VII-X вв. (период существования государства Бохай), и монгольские и тунгусо-маньчжурские – в X-XII вв. (эпоха существования Киданьской империи Ляо), в XII-XIII вв. (возвышение чжурчженей)⁶.

Таким образом, сопоставление тюркских и монгольских материалов привело ученого к определенному выводу: речь может идти только о языковой общности, образовавшейся в результате длительного взаимодействия неродственных языков.

Настойчивый противник гипотезы генетического родства алтайской языковой семьи Г.Дёрфер приводит различие между культурным и базисным слоями лексики. При рассмотрении темы ученым выделены два принципа: 1) для доказательства родства языков в основном важна базисная лексика, потому что культурная лексика легко и часто заимствуется; 2) названия частей тела входят в состав базисной лексики. Они не заимствуются и, следовательно, являются весьма доказательными при выявлении родственных связей.

Для изучения данной проблемы Г.Дёрфер исследовал слова базисного слоя, которые обычно никогда не заимствуются или заимствуются очень редко (ядерные базисные слова). Ученый же не находит ни одного надежного случая, в котором бы тюркское ядерное слово имело свое соответствие в монгольском, скорее всего, имеются случаи, когда тюркские и монгольские языки имеют общие периферийные базисные слова.

⁵ Котвич В.Л. Исследования по алтайским языкам. – М.: Изд-во иностр.лит-ры, 1968.

⁶ Щербак А.М. Ранние тюрко-монгольские языковые связи (VIII-XIV вв.) – С.-П.: ИЛИ РАН, 1997. – С.12-14.

Одним из перспективных направлений в поисках решения проблемы было признано исследование лексики и лексических связей в пределах разных тематических групп.

В.И.Цинциус впервые высказала мысль о возможности реконструкции лексики алтайских языков по лексико-семантическим группам⁷.

Э.Ф.Ишбердин, изучивший словарный состав башкирского языка и указавший на большое количество лексем, имеющих соответствия в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках и относящихся к устойчивым разрядам лексики, выделил несколько критериев, способствующих выявлению заимствований⁸. В.И.Рассадин так же отмечает несколько критериев определения относительно поздних монголизмов в тюркских языках⁹. А.В.Дыбо впервые разработала методику семантической реконструкции наименований частей тела (плечевой пояс), суть которой состоит в том, что реконструкция лексики праязыка должна включать в реконструкцию первоначальных значений слов и объяснение изменений этих значений¹⁰. В связи с трудными проблемами в разграничении общего наследия и древних заимствований А.Рона-Таш приводит следующие аргументы: 1)этимологический; 2) семантико-исторический; 3) аргумент основного словарного фонда; 4) культурно-исторический аргумент и т.д.¹¹ Н.У.Халиуллина исследует на фонологическом, морфонологическом, семантическом уровнях моносиллабы, составляющие базисную часть лексического богатства татарского, башкирского, чувашского, а также монгольских и тунгусо-маньчжурских языков¹².

На наш взгляд, вопрос об объеме лексических соответствий между отдельными алтайскими языками ещё по-настоящему не освещен. Выявленные общие моменты между монгольскими и тюркскими языками – во многих случаях результат взаимодействия уже обособившихся алтайских языков в довольно позднее время их контактного развития. И поэтому факты для доказательства

⁷Цинциус В.И. Проблемы сравнительно-исторического изучения лексики алтайских языков // Исследования в области этимологии алтайских языков. –Л.: Наука, 1979. –С.5.

⁸ Ишбердин Э.Ф. Историческое развитие лексики башкирского языка. –М.: Наука, 1986. –С.30-31.

⁹ Рассадина В.И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. –М.: Наука, 1980.

¹⁰ Дыбо А.В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. –М.: Языки русской культуры, 1996.

¹¹ Рона-Таш А. Общее наследие или заимствования // Вопросы языкознания. 1974. № 2. С.31-45.

¹² Халиуллина Н.У. Тюркские языки Урало-Поволжья в контексте алтайского языкового сообщества. Ч.1. –Уфа: Восточн.унив-т, 2003. –С.10-11.

генетического родства данных языков не лежат на поверхности наблюдаемых явлений, а уходят в глубь доисторических эпох.

В настоящее время трудности в исследовании алтайских языков в целом обусловлены отсутствием большой и высококвалифицированной работы и поисков новых общих элементов в этих языках в области лексики, морфологии и фонетики. Тем более, на основе одних лингвистических данных невозможно установить что из себя представляет общность алтайских языков – генетическое родство или языковой контакт? Исследования требуют приложения общих усилий историков, археологов, этнографов, фольклористов.

Во второй главе «**Названия, обозначающие явления природы**» рассматривается реконструкция лексики по лексико-семантическим группам в сравнительно-историческом аспекте.

В первом параграфе тюрко-монгольские лексические единицы, относящиеся к названиям метеорологических явлений, распадаются на три строго дифференцированные группы:

- 1) поздние монгольские лексические заимствования в тюркских языках, имеющие четкие маркирующие их характеристики;
- 2) поздние тюркские лексические заимствования в монгольских языках, также характеризующиеся довольно четкими признаками;
- 3) тюрко-монгольские элементы, которые с одной стороны, являются общетюркскими, с другой – представлены в монгольских языках и являются в то же время общемонгольскими.

По итогам нашего исследования получен следующий список башкирских и монгольских общих лексических единиц:

Монгольские лексические заимствования в башкирском языке: башк. монар «мгла, дымка; иней», монг. манан «туман»; башк. һырҫаҡ «буран; пронизывающий ветер», монг. шигурган «метель, пурга».

Тюркские лексические заимствования в монгольском языке: башк. боз, монг. мөс(өн) «лед»; башк. көрт «сугроб, занос», монг. хөр «сугроб»; башк. кырау, монг. хяруу «иней»; башк. ысыҡ «роса», монг. чийг «влажность, сырость».

Тюрко-монгольские элементы, которые этимологизируются по языковым данным обоих языков: башк. буран «метель, буря», монг. бороо(н) «дождь», башк. кырпак «первый снег, пороша», монг. хармаг «пороша».

Во втором параграфе рассматриваются названия, обозначающие гидрографические и орографические явления.

Башкирский язык из монгольских языков заимствовал следующие слова: башк. бусаға «подножье горы; порог (у двери), монг. босго «порог (у двери)»; башк. мөрөн «дождевой поток; поток талой воды»,

монг. мөрөн «большая река», башк. дала «степь», монг. тал(а) «степь, поле»; башк. капсал «ущелье, теснина»; монг. хавцал «ущелье, теснина, горный проход»; башк. капсағай «ущелье, теснина», монг. хабцагай «узкое ущелье; падь; крутая скала»; башк. туғай «урема, пойменный луг», монг. токой «локоть, часть руки от локтя до кисти; излучина, изгиб, лука (реки)»; башк. уба «холм, курган», монг. овоо(н) «груда, куча, курган», обон «возвышенность, насыпь».

В свою очередь, из тюркских языков в монгольские языки проникли такие лексемы: башк. болақ «ручей, родник», монг. булаг «родник, ключ»; башк. диңгез, монг. тэнгэс // тангис «море»; башк. кул «ложбина, лог; рукав (реки)», монг. гол «река; долина реки» башк. тулкын, монг. долгио(н) «волна, вал»; башк. үзән «русло (реки); долина», монг. уса(н) «вода; река»; башк. аклан «поляна», монг. аглаг «безлюдное место, пустынная местность»; башк. арал «небольшой остров (на реке)», монг. арал «остров, полуостров»; башк. бил «седловина (горы)», монг. бэл «косогор, подножье»; башк. ер «земля», монг. шорой «земля; почва; пыль»; башк. кая, монг. хад(ан) «скала, утес»; башк. кыр «поле; край», монг. хээр «открытое поле, степь», хяр «гребень (возвышенности)»; башк. сүл, монг. цөл «пустыня»; башк. тау «гора», монг. таг «плоская вершина горы, плато»; башк. түбә «холм, вершина; макушка головы»; монг. дов «холм»; башк. уй «открытое место, овраг, ложбина», монг. ой «лес, бор, роща», башк. балсык «глина», монг. балчиг «болото, трясины»; башк. ком «песок», монг. хумхи «пылинка», башк. тузан «пыль», монг. тоос(он) «пыль, пылинки»; башк. тарлауык «ущелье; узкое место реки с быстрым течением», монг. таргил «перекат реки».

Общие для тюркских и монгольских языков лексические единицы: башк. йылға «река», монг. жалга «овраг, сухое русло»; башк. тупрак «почва, земля», тоброг // товрог «пыль, прах».

В третьем параграфе сравниваемые лексические параллели, относящиеся к небесной сфере, этимологизируются по языковым данным обоих языков: башк. күк «небо», монг. хөх // хүхэ «синий, голубой, зеленый, серый; смуглый, темный (о цвете лица)»; башк. тәңрә «небо», монг. тэнгэр «небо, небеса; гром; погода; бог, гений».

В четвертом параграфе лексика, относящаяся к названиям отрезков времени, распределена по следующему.

Монгольские лексические заимствования в башкирском языке:

башк. сак «время, пора», монг. цаг «время, период, срок».

Тюркские лексические заимствования в монгольском языке: башк. иртә «утро; рано, утром», монг. эрт(эн) «утром; рано; ранний; раньше»;

башк. йыл, монг. жил «год»; башк. кис «вечер», монг. кечи «давно, раньше»; башк. төш «полуденное время», монг. дүли «середина (дня, ночи)».

Для башкирского и монгольского языков общим является слово: башк. төн «ночь», монг. түне «мрачный, темный».

В результате исследования устойчивых лексических разрядов выяснилось, что основные обозначения явлений природы не совпадают. Ср.: башк. ямғыр, общетюрк. йамғур, монг. бороо, хур «дождь»; башк. кар, общетюрк. кар, монг. цас «снег»; башк. йәшен, общетюрк. йашын, монг. цахилгаан, аянга «молния»; башк. боз, борсак, общетюрк. буз, монг. мөндөр «град»; башк. ел, общетюрк. йеел, монг. салхи(н), жавар «ветер»; башк. күкрәү, общетюрк. көкрәкә, монг. агаар «гром»; башк. дауыл, общетюрк. дауул, монг. тунсаа «буря»; башк. быу, боҫ, общетюрк. буғ, бус, монг. уур «пар»; башк. болот, общетюрк. булут, монг. үл(эн) «облако, туча»; башк. бәс, общетюрк. бәс, монг. цан(г) «иней», башк. ысыҡ, общетюрк. чыык, монг. шүүдэр «роса»; башк. ялағай, монг. гялбаа «зарница»; башк. күл, общетюрк. көл, монг. нуур «озеро»; башк. йылға, общетюрк. жылға, монг. гол «река»; башк. йырын, йырғанак, монг. жалга «овраг»; башк. яр, общетюрк. йар, монг. эрэг «берег», башк. һаз, общетюрк. саз, монг. намағ, балчиг «болото»; башк. үзән, уй, общетюрк. өзән, ой, монг. хоолой, хөндий «долина»; башк. қом, общетюрк. қум, монг. элс(эн) «песок»; башк. ер, общетюрк. йер, йир, монг. газар, хөрс «земля»; башк. тау, общетюрк. тағ, монг. уул(ан) «гора»; башк. бил, общетюрк. бел, монг. нахид «седловина (горы)»; башк. соқор, общетюрк. чукур, монг. өрх «яма»; башк. урман, общетюрк. орман, монг. ой «лес»; башк. таш, общетюрк. таш, монг. чулуу(н) «камень»; башк. қояш, общетюрк. қуяш, күн, монг. нар(ан) «солнце»; башк. ай, общетюрк. ай, монг. сар «луна»; башк. иртә, общетюрк. эртә, монг. өглөө, өглөгүүр «утро»; башк. төш, общетюрк. түш, монг. үд «полдень»; башк. көн, общетюрк. күн, монг. өдөр «день»; башк. кис, общетюрк. кеч, монг. орой, үдэш «вечер»; башк. төн, общетюрк. түн, монг. шөнө «ночь»; башк. яз, общетюрк. йаз, монг. хавар «весна»; башк. йәй, общетюрк. йай, монг. зун, наир «лето»; башк. көз общетюрк. күз, монг. намар «осень»; башк. қыш, общетюрк. қыш, монг. өвөл «зима» и т.д.

Во второй главе «**Названия, относящиеся к анатомии человека, животных и растений**» тюрко-монгольские лексические единицы также рассматриваются в сравнительно-историческом плане.

В первом параграфе устойчивый лексический разряд включает в себя названия частей тела человека и животных.

Башкирский язык, по нашему мнению, заимствовал такие монгольские слова: башк. маңлай «лоб», монг. магнай // манлай «лоб; авангард; передовой, лучший; глава, вождь; головной»; башк. таңлай «нёбо», монг. тагнай «нёбо; рисунок, напоминающий поверхность твердого нёба»; башк. танау «нос», монг. танаға «носовая перегородка»; башк. күмәй «глотка, язычок», монг. хөөмий «зев, горло»; башк. күкрәк «грудь», монг. хөх(өн) «женская грудь»; башк. кабырға, монг. хабирга «ребро, бок»; башк. кары «предплечье», монг. гар «рука», башк. сикә «висок; щека», монг. чих(эн) «ухо»; башк. бурбай «икры (ног)», монг. борви «ахиллесово сухожилие, пяточное сухожилие»; башк. һаҡал «борода», монг. сахал «борода, усы»; башк. алақан, монг. алага «ладонь»; башк. бүтәгә, монг. бөтөгө «зоб (птицы)»; башк. кауырһын, монг. гуурс(ан) «перо (птичьё)»; башк. койка, монг. хуйх «опаленная кожа»; башк. мөсә «часть тела, член; кусок; телосложение», монг. мөч «конечность; член тела»; башк. мунда, монг. мундаа «холка»; башк. һебә «мясо на ложных ребрах (вручаемое победителю на состязаниях)», монг. сүвээ(н) «боковая часть грудной клетки», сүврэг «ложные ребра»; башк. яурын, монг. зуур «плечо»; башк. елен, монг. дэлэн(г) «вьямя».

А в монгольские языки из тюркских проникли следующие лексемы: башк. арқа «спина; хребет», монг. ар(а) «спина; зад; задняя спина», башк. беләк «предплечье», п.-монг. билэ «запястье»; башк. бил «поясница, талия», монг. бэлхүүс «талиа»; башк. боғаз «горло; глотка», монг. боғорла- «перерезать горло; задушить» (<тюрк. боғаз // боғуз «горло, глотка»); башк. быуын «сустав», монг. бугуй «предплечье; дистальный конец предплечья»; баш. иң(баш) «плечо», монг. эгэм «ключица»; башк. ирен «губа», монг. эрүү(н) «подбородок, нижняя челюсть», монг. уруул «губа»; башк. йөзрөк «кулак», монг. нударга(н) «кулак; сила, опыт»; башк. йөз «лицо», монг. зүс(эн) «вид, внешность», монг. нүүр «лицо»; башк. йөрәк, монг. зүрх(эн) «сердце»; башк. киңшерек «переносица, полость носа», монг. ханшаар «переносица»; башк. қолак «ухо», монг. хулхи «внутреннее ухо; ушная сера»; башк. кыуык «пузырь (мочевой)», хуух «мошонка; кожа головы»; башк. табан «ступня, стопа, подошва», монг. таваг // тавхай «ступня; лапа»; башк. умрау «ключица», монг. омруу «верхняя часть груди; ключица»; башк. урай «вихор (на макушке)», монг. орой «темя; верхушка, макушка»; башк. аяк «нога», монг. адаг «конец; устье»; башк. боғак, монг. бахуу «зоб (у птиц)»; башк. кыл «волос, щетина; шерсть», монг. хялгас(ан) «волос (конский)»; башк. мөгөз «рог», монг. мөгөөс(өн) «хрящ»; башк. тояк, монг. туур // туурай «копыто»; башк. елкә «затылок», монг. дэл «грива».

И все же, неясной остается этимология нескольких слов: башк. азау, монг. араа(н) «коренной зуб»; башк. бөйөр, монг. бөөр «почка, бою»; башк. кимек «глубчатая кость», монг. хим «глубчатое вещество костей, сахарная кость»; башк. талак, монг. дэлүү(н) «селезенка»; башк. ял, монг. дэл «грива».

Среди исследуемых лексем всего несколько слов имеет иноязычное происхождение: башк. сырай «лицо», монг. царай // чарай «лицо; физиономия; лик, облик»; башк. тамыр, монг. тамир «кровеносный сосуд», башк. кикел, монг. гөхөл «челка (у лошади)» – заимствования из персидского.

Во втором параграфе основу лексической группы составляют названия частей растений, в основном, тюркские заимствования, характеризующиеся особенностью образования присоединением к тюркским глагольным и именным основам различных аффиксов: башк. эғас «дерево», монг. агч «клен»; башк. ботак «ветвь», монг. бута «кустарник, заросли», бут «куст, заросль»; башк. дүңгәк «пень», монг. түңгө «нижняя часть дерева; самая нижняя часть растения»; башк. емеш «плод, фрукт», монг. жимс «плод, плоды, фрукты»; башк. кыяк «лист злаковых и травянистых растений», монг. хияг «вострец; пырей»; башк. орлок, монг. үр «семя, зерно»; башк. сәскә, монг. цэцэг «цветок, соцветие»; башк. үлән «трава», монг. өлән(г) «осока»; башк. һабак «стебель, ботва, плеть», монг. саваа «палка, прут»; башк. борсак «горох», монг. бурцаг «горох; горошина», башк. тары «просо», монг. тариа(н) «хлеб; зерно; урожай».

Совпадающие в башкирском и монгольском языках слова из разряда частей тела человека, животных и частей растений больше всего обозначают второстепенные, периферийные области органов. Обозначения же основных частей, без которых не может обходиться язык, в основном не совпадают: башк. баш, общетюрк. баш, монг. толгой, тэргүүн «голова»; башк. күз, общетюрк. көз, монг. нүд, мэлмий «глаз»; башк. ауыз, общетюрк. ағыз, монг. ам «рот»; башк. теш, общетюрк. тиш, монг. шүд «зуб»; башк. колак, общетюрк. кулак, монг. чих «ухо»; башк. танау, морон, общетюрк. бурун, монг. хамар «нос»; башк. каш, общетюрк. каш, монг. хөмсөг «брови»; башк. сәс, общетюрк. сач, монг. үс «волосы»; башк. керпек, общетюрк. кирпич, монг. анисга «ресницы»; башк. түбә, общетюрк. төпү, тепе, монг. зулай, орой «темя, макушка»; башк. муйын, общетюрк. бойун, монг. хүзүү «шея»; башк. кул, общетюрк. кол, монг. гар «рука»; башк. бармак, общетюрк. бармак, монг. хуруу «палец»; башк. тырнак, общетюрк. тырнак, тырнак, монг. хумс «ноготь»; башк. терһәк, общетюрк. тирсәк, монг. тохой «локоть»;

башк. бил, общетюрк. бел, монг. харцага «поясница»; башк. аяк, общетюрк. аяк, адак, монг. хөл «нога»; башк. бот, общетюрк. бут, монг. гуя, сүүж «бедро»; башк. бауыр, общетюрк. бағыр, монг. элэг, элгэн «печень»; башк. үпкә, общетюрк. өпке, монг. дүшгин «легкие»; башк. эс, карын, общетюрк. ич, карын, монг. гэдэс, ходоод, хэвэл «живот»; башк. тел, общетюрк. дил, монг. хэл «язык»; башк. канат, общетюрк. канат, монг. даль, жигүүр «крыло»; башк. кауырһын, йөн, общетюрк. йүн, монг. гуурс, өд «перо»; башк. томшок, общетюрк. тумшук, монг. хошуу «клюв»; башк. мөгөз, общетюрк. мүгүз, мүйүз, монг. эвер «рог»; башк. йөн, общетюрк. йүн, монг. ноос, унгас «шерсть»; башк. койрок, общетюрк. куйрук, кудурук, монг. сүүл «хвост»; башк. япрак, общетюрк. йапырғак, йалбырғак, монг. навч «лист»; башк. сәтләүек, монг. самар, шид «орех»; башк. бөрө, общетюрк. бүр, монг. цоморлог, гөлөг «почка»; башк. үзәк, общетюрк. өзәк, өзек, монг. гол «сердцевина (дерева)»; башк. олон, общетюрк. олун, монг. гол, иш «ствол»; башк. һабак, общетюрк. сабак, сап, монг. иш, шилбэ «стебель»; башк. ботак, общетюрк. бутак, монг. найлзуур, мөчир «ветка»; башк. тамыр, общетюрк. тамыр, монг. үндэс(эн) «корень»; башк. туз, общетюрк. тоз, монг. үйс «береста»; башк. кайыр, кабык, общетюрк. кадыз, кабык, монг. гадар, хальс, холтос «кора» и т.д.

В третьей главе «Числительные и личные местоимения» числительные тюркских и монгольских языков рассматриваются по структурно-семантическим признакам: первичные (количественные числительные) и производные (порядковые, собирательные, разделительные и т.д.); общность алтайских личных местоимений исследуется в связи с реконструкцией архетипа каждой формы.

В первом параграфе задачей является сравнение первичных числительных: единиц, десятков, сотни и других более высших разрядов числительных.

Расхождение в наименованиях числительных в алтайских языках Г.И.Рамстедт объясняет культурно-историческими и социальными предпосылками. Различные народы сталкивались в своих торговых операциях с подсчетом самых разнообразных предметов и пользовались при этом выражениями и условными знаками, имевшими тайный смысл¹³. Дж.Г.Киекбаев выдвигает свою точку зрения: числительные имеют предельно отвлеченное значение и в отличие от других частей речи не наделены предметностью – они развивались крайне медленно и связаны с мыслительной деятельностью человека больше, чем существительные. Тем самым ученый указывает на случаи генетической

¹³ Рамстедт Г.И. Указ. работа. -С.64.

связи числительных в разных группах алтайских языков¹⁴. По мнению академика В.А.Гордлевского, числительные в тюркских языках развивались по этапам в соответствии с постепенным расширением числового представления у человека. В своих исследованиях он обнаружил, что первоначально число «пять» было «потолком счета». Потом выступают в строй десятки: один десяток – десять, двойня десятков – двадцать, т.е. счет двадцатиричный. Последующие высшие десятки показывают рост счета: три десятка – тридцатиричный, пять десятков – пятидесятиричный счет¹⁵.

Дж.Г.Киекбаев, исходя из работы академика Гордлевского, объясняет наличие различных числительных для передачи числового понятия 30, 40, 50, 60 в пределах тюркских языков.

Так в башкирском и монгольском языках количественные числительные структурно не совпадают. Башк. дүрт, скорее всего, имеет общую основу дү- с монг. дө- (дөрв(өн)//дөрөв). Возможно, то же самое можно сказать об элементе кы- в башк. кырк «сорок» и хо- в монг. хорь «двадцать». Ср. таблицу:

Башкирский язык	Древнетюркский язык	Монгольский язык	Перевод
бер	бир	нэг	один
ике	эки//ики//икки	хоэр	два
ес	үч	гурав//гурван	три
дүрт	төрт	дөрөв//дөрв(өн)	четыре
биш	беш//биш	тав(ан)	пять
алты	алты	зургаа(н)	шесть
ете	йети//йити	долоо(н)	семь
һигеҙ	секиз//секкиз	найм(ан)	восемь
туғыз	тоғуз//токуз//токыз	ес(он)	девять
ун	он	арав	десять
егерме	йегирмә//йегирми	хорь	двадцать
утыз	отуз	гуч(ин)	тридцать
кырк	кырк//кырык	дөч(ин)	сорок
илле	элиг	тавин//тавь	пятьдесят
алтмыш	алтмыш	жар(ан)	шестьдесят
етмеш	йетмиш	дал(ан)	семьдесят
һикһән	сексүн	ная(н)	восемьдесят
тукһан	токсун	ер(эн)	девяносто
йөз	йүз	зуу(н)	сто
мең	биң	мянга(н)	тысяча
түмән	түмөн	түмэн	десять тысяч

¹⁴ Киекбаев Дж.Г. Введение в Урало-алтайское языкознание. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1972. – С.40.

¹⁵ Гордлевский В.А. Избранные сочинения. – М.: Изд-во восточн. литературы, 1961. – С.124.

Башк. мән, монг. мянга(н) «тысяча», башк. түмән, монг. түмэн «десять тысяч» заимствованы из китайского языка.

Во втором параграфе рассматривается образование собирательных, порядковых, разделительных и приближительных числительных в тюркских и монгольских языках.

В тюркских языках для образования порядковых числительных используется окончание – (ы)нчы//нчы: тур. алтынджи, аз. алтынчы, башк. алтынсы «шестой». Исключением являются афф. –меш в чувашском языке и афф. –ыс – в якутском.

Аффикс - меш можно рассматривать как фонетический вариант -(ы)нч, аффикс -ыс также исторически восходит к -(ы)нч: звук п выпал, звуку с соответствует ч¹⁶.

В монгольских же языках порядковые числительные образовались от основы определенности на -д при опускании неустойчивого элемента -н. К основе на -д наращивался элемент -у//ү, и элемент -а//э в большинстве других монгольских языков.

В монгольском языке к афф. -ду//дү присоединяется еще афф. -гаар//гээр: хоэрдугаар «второй».

Аффиксом собирательных числительных в памятниках является афф. -ағу: төртөгү «четверо». В современных тюркских языках собирательные числительные образуются с помощью различных аффиксов: башк. унау, кум. онав «десятеро», узб. икков, хак. иккиз «двое» – все эти аффиксы восходят к - ағу.

В монгольских языках собирательные числительные произошли от основы на -у//ү, -уу//үү: монг. гурвуул(ан) < гурв-уу-л(ан) «втором, трое».

Г.И.Рамстедт допускает возможность сравнения древнетюркского аффикса -ағу с п.-монг. агулжа- «совпадать»¹⁷.

Во многих тюркских языках числительные на согласную основу образуют разделительную форму от основы на -а//э, к которой наращивается показатель множественного числа -р.: башк. унар «по десять», тур. бирер «по одному», др-тюрк. төртөр «по четыре».

В монгольских языках разделительные числительные образовались по общей модели путем присоединения афф. -аад//оод//өөд, -ад//эд: монг. хошоод «по два», монг. дөрвөөд «по четыре».

В башкирском языке имеются еще так называемые кратные числительные, которые образуются от основы на -л, являющейся показателем множественного числа. К основе -л присоединяется

¹⁶Кондратьев В.Г. Очерк грамматики древнетюркского языка. –Л.: Изд-во ЛГУ, 1970. –С.22.

¹⁷Рамстедт Г.И. Указ. работа. –С.67.

элемент **-a//э** по общей модели, затем афф. **-ta//тэ**: башк. икелэтэ «двойне, двукратно».

Также в тюркских языках к афф. **-ла//лэ** наращивался **-п**, **-ган//гэн**, которые образуют приблизительные числительные: башк. меңләп, меңләгән «тысячи». Аффикс **-п** является глагольным, другими словами, можно предположить, что некогда существовали глаголы **өс-лө-**, **ун-ла**¹⁸. То же самое можно сказать и об афф. **-ган//гэн**.

В третьем параграфе рассматриваются модели образования личных местоимений в тюркских и монгольских языках.

Профессор Н.К.Дмитриев делает короткий, но очень важный экскурс об историческом развитии личных местоимений в своей книге «Грамматика башкирского языка»¹⁹. При рассмотрении личных местоимений в урало-алтайских языках Дж. Г. Киекбаев обнаруживает поразительное единство как по модели образования, так и по типу склонения. И тем самым, допускает существование тесных связей, которые их объединяют²⁰.

Модели образования личных местоимений:

1) мин < бэн, а бэн, в свою очередь, разлагается на **бэ-** и **-н**. Здесь **бэ** возводится к **бэ**, образующему множественное число с помощью архаичного показателя двойственного или множественного числа **-з // -э**: башк. бөз «мы». Ср.: монг. би «я» и би + д «мы», где **-д** – такой же показатель.

Отсюда следует вывод, что в тюркских языках элемент **-н**, присоединяясь к архетипу **бэ-**, начал выражать одну личность, а аффикс **-з // -э** в составе мн.ч. I и 2л. – несколько личностей. Если же **-з // -э** считается показателем множественности, то **-н** принимает роль показателя единичности.

Таким образом, **-н** не относится к корню, а представляет собой суффикс, получивший название **Н** местоименного, который в монгольских языках появляется только в косвенных падежах.

2) нин < ни и н, где **-н** такого же происхождения, как и в мин. Ср.: монг. чи «ты».

Дж. Г. Киекбасвым монгольское местоимение 2 лица ед.ч. относится к более древней форме бурятского местоимения ши «ты»²¹. Рассмотрим несколько функций элемента **ш-**:

¹⁸ Дмитриев Н.К. Башкорт теленең грамматикаһы. – Өфө: Башгосиздат, 1950. – С.100.

¹⁹ Дмитриев Н.К. Указ. работа. – С.100.

²⁰ Киекбаев Дж. Г. Основы исторической грамматики урало-алтайских языков. – Уфа: Китап, 1996. – С.320.

²¹ Киекбаев Дж.Г. Указ. работа. – С.245.

а) элемент **ш-** является аффиксом сказуемости 2 л.: бурят. багша «учитель» и багша-ш «ты учитель»;

б) элемент **ш-** входит в состав аффикса принадлежности 2 л.: бурят. аха «брат» и аха-ш-ни «твой брат»;

в) элемент **ш-** выступает также как личный аффикс глаголов 2 л. ед.ч. всех времен: бурят. ши харана-ш «ты видишь» и т.д.

Элемент же **т-** 2 л. мн.ч. является аффиксом сказуемости и личным аффиксом глаголов 2 л. уже мн.ч.: бурят. багша-т «вы учителя», таанар харана-т «вы видите». Отсюда следует, что от элемента **т-** путем наращивания показателя определенности **-а** или **-аа** образовалось мн.ч. местоимений 2 л. та или таа «вы».

Вот откуда происходит монгольского местоимения 2 л. мн.ч. та (нар), а не чи + д по аналогии с би + д.

3) ул < у + л, другими словами, тюркские личные местоимения ол//ул//ал, восходят к древним показателям определенности или указательным частицам о//у//а, к которым в некоторых тюркских языках наращивался показатель определенности **-л**, как и другим указательным местоимениям (бы-л «этот», шу-л «тот известный»).

Форма мн.ч. личных местоимений делится на следующие элементы: ул-а-р, где **-а** образует вторичную основу и **р-** является общеалтайским показателем мн.ч.

В монгольском языке нет самостоятельного личного местоимения 3 л.:3 лицо как единственного, так и множественного числа заменяется указательными местоимениями: энэ «этот, это», тэр «тот» – ед.ч., и эд «эти», тэд «те» – мн.ч.

Монг. энэ «этот» является сложным образованием, развившимся из древнейшего указательного местоимения э (ср.: п.-монг. и) при помощи основообразующего элемента **-н**. Элемент **-д** в форме мн.ч. эд «эти», на наш взгляд, такой же показатель множественности как и в бид «мы». Форма мн.ч. монг. тэр «он, тот» образовалась по модели э-д: тэ-д «они, те».

Монгольское древнее местоимение э//и можно сопоставить с тюркским местоимением а//о//у «он».

Такие ученые как Н.А.Баскаков, В.Л.Котвич и Г.И.Рамstedт обнаруживают материальную общность соответствующих грамматических формантов выражения объектных отношений – категории склонения в падежной системе тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Ср.: схему склонения в башкирском и монгольском языках:

Языки	осн.п.	род.п.	дат.п.	вин.п.	мест.п.	исх.п.
1. Башк. Монг.	мин «я» би «я»	минең миний	миңә над, надад	мине намайғ	миндә над, надад	минән надаас
2. Башк. Монг.	һин «ты» чи «ты»	һинең чиний	һиңә чамд	һине чамайғ	һиндә чамд	һинән чамаас
3. Башк. Монг. Монг.	ул «он» тэр «он, тот» эне «он, этот»	уның түүний	уға түүнд	уны түүнийг	унда түүнд	унан түүнээс
4. Башк. Монг.	без «мы» бид «мы»	безең бидний, манай	безгә бидэнд, манд	безе биднийг манайғ	беззә бидэндм анд	беззән биднээс манаас
5. Башк. Монг.	һез «вы» танар «вы»	һезең танарын	һезгә танарт	һезе танарығ	һеззә танарт	һеззән танараас
6. Башк. Монг. Монг.	улар «они» тэд «те» эд «эти»	уларзың тэдний эдний	уларға тэдэнд	уларзы тэднийг эднийг	уларза тэдэнд	уларзан тэдээс эднээс

На наш взгляд, наличие - н во всех формах тюркских личных местоимений 1, 2, 3 лиц и появление его в основах вин.п., род.п. монгольских местоимений, дает основание полагать, что в монгольских языках -н есть аффикс или часть аффикса, сросшийся с историческими основами личных местоимений с той лишь особенностью, что в монгольских языках процесс сращения прошел менее последовательно, чем в тюркских.

В заключении излагаются основные выводы исследования; приводятся критерии относительно поздних монголизмов: 1) основной; 2) фонетический; 3) морфологический; 4) семантический; 5) этимологический и внутренняя реконструкция.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях:

1. К вопросу о монголизмах в башкирском языке // Вестник Башкирского университета. – 2006. №4. – С. 87-88.
2. Башкирские и монгольские лексические параллели, относящиеся к растительному миру // Актуальные проблемы изучения и преподавания башкирского языка и литературы. Материалы региональной научно-практической конференции. – Стерлитамак, 2005. – С.250-253.
3. Лексические параллели в башкирском и монгольском языках // Ядкяр. 2005. № 1. С.137-140.

4. Монголизмы в лексике башкирского языка // Актуальные проблемы башкирского, тюркского и сопоставительного языкознания. Сборник научных статей. – Уфа, 2005. – С.274-277.
5. Личные местоимения в башкирском и монгольском языках // Башкирская филология: достижения, актуальные проблемы. Материалы региональной конференции аспирантов. – Уфа, 2005. – С.142-144.
6. Морфологический критерий относительно выделения монголизмов в башкирском языке // Язык и литература в поликультурном пространстве. Материалы региональной научно-практической конференции “Язык и литература в поликультурном пространстве”. Выпуск 3. – Бирск: Бирск. Гос. соц.-пед. акад., 2006. – С. 22-23.
7. Некоторые заметки к башкирским и монгольским лексическим параллелям // Актуальные проблемы башкирской, русской и тюркской филологии. Материалы научно-практической конференции. – Уфа, 2004. – С.54-57.

Подписано в печать 06.02.2007 г.
Гарнитура «Times». Печать на ризографе с оригинала.
Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Усл.-печ.л. 1,22. Уч.-изд.л. 1,00.
Бумага писчая. Тираж 100 экз. Заказ № 11.
Цена договорная.

452450, Республика Башкортостан, г.Бирск, ул. Интернациональная, 10.
Бирская государственная социально-педагогическая академия.
Отдел множительной техники БирГСПА